УДК 81.23 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-63-81

**СМЕШАННЫЕ ЭМОЦИИ:
К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
И МЕТЯЗЫКЕ ОПИСАНИЯ**

Ионова Светлана Валентиновна

профессор кафедры общего и русского языкознания
Государственного института русского языка
им. А.С. Пушкина
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6
sionova@mail.ru

Штеба Алексей Андреевич

доцент кафедры романской филологии
Волгоградского государственного
социально-педагогического университета
Россия, 400066, Волгоград, пр. Ленина, 27
alexchteba@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению смешанных эмоций как особого типа эмоциональных явлений, получающих категоризацию в языке и развивающих представления о традиционных объектах лингвистики эмоций. Данный объект рассматривается в контексте достижений психологической теории эмоций и эмотиологии как области лингвистики. Поднимаются вопросы вербализации смешанных эмоций, рассматриваются существующие терминологические обозначения, используемые в лингвистике для описания сложных эмоциональных объектов. Соотносятся два типа явлений, получающих лингвистическое описание: комплексный эмоциональный объект и комплекс эмоциональных объектов. Выделяются лингвистические признаки, на основе которых возможно выявление многообразных вариантов реализации смешанных эмоций.

Ключевые слова: эмоция, комплексная эмоция, смешанная эмоция, способы вербализации эмоций, неопределенная эмоция

Введение

За полувековую историю своего существования и развития лингвистика эмоций как область исследований, возникшая на пересечении психологии эмоций и языкознания [Dirven 1997; Goleman 1997; Jing-Schmidt 2007; McGlone, Wessberg, Olausson 2014], превратилась в хорошо структурированную и доказательную область научных знаний [Шаховский 2008]. Уже в 80-е гг. XX в. в ней проведена детализированная лингвистическая категоризация эмоций, предложен метаязык для описания новой области языкознания, выделены типы эмоциональной лексики и способы ее репрезентации [Шаховский 1987; Ионова 2003; Калимуллина 2006; Штеба 2014], обоснован предмет исследования лингвистики эмоций как междисциплинарной области знания. В 90-е гг. XX в. и в начале XXI в. учеными предпринято описание коммуникативной природы эмоций, зависимости форм их выражения от дискурсивных условий; дедуктивно и экспериментально доказан статус эмоций как части когнитивной сферы человека, изучены динамические отношения между когнитивными и эмоциональными процессами

в его речевой деятельности, эмоционального аспекта языковой картины мира человека [Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю. 1993; Вежбицкая 1999; Шаховский 2008; Bamberg 1997; Drescher 1997; Goleman 1997; Ortony, Clore, Collins 1988; Wierzbicka 1992, 1999 и др.].

Современное состояние этой области знания демонстрирует переход лингвистики эмоций в сферу социальных практик, востребованных жизнью (см., например: Консорциум Всемирной паутины (W3C) принял первый стандарт описания человеческих эмоций в Интернете; Международное сообщество по эмоциональному интеллекту (ISEIP) поставил задачу превращения «работающего эмоционального интеллекта» в бизнесе и образовании; разработка инновационного проекта говорящего робота в бета-версии поискового приложения «Яндекс» стимулировала создание лингвистической технологии распознавания и воспроизведения естественных эмоций; эффективно ведется разработка Русского эмоционального корпуса [Котов 2009 и др.] и др.). Формальное и содержательное усложнение объекта исследований ставит вопрос о необходимости расширения и уточнения подхода к языковой категоризации эмоций, изучению сложных, комплексных, динамических явлений, исчислению вариативных возможностей их вербализации с учетом многообразия интенций коммуникантов, их эмоциональных реакций, функций высказываний, корпуса паттернов эмоционального коммуникативного поведения [Карловская 2009; Коробкина 2009; Котов 2009; Шаховский 2016; Штеба 2014; Jing-Schmidt; McGlone, Wessberg, Olausson 2014 и др.].

К числу таких задач относится изучение смешанных эмоций, особенностей их лингвистической репрезентации и разработки метаязыка их описания.

Смешанные эмоции как объект научного исследования

Несмотря на то, что смешанные эмоции в обыденном сознании воспринимаются как производные от простых, базовых эмоций и как область отклонения от нормы, онтологически именно смешанные эмоциональные явления составляют основу психической реальности человека [Вилюнас 1977; Вундт 1984; Рубинштейн 1998]. В качестве объекта познавательного отношения и отражения в сознании и речи эмоции обладают такими качествами, которые отличают их от денотатов материальной природы: динамический характер (изменчивость, быстротечность, континуальность, возможность порождать и обуславливать друг друга); недоступность прямому наблюдению (см. обозначения «сфера внутренних ощущений», «предметы невидимого мира»); кластерность (реализация в виде пука переживаний с доминантой и комплексом затухающих и возникающих эмоций) [Ильин 2006; Рубинштейн 1998; Dirven 1997 и др.].

И тут, среди обычных физиологических ощущений, я поймала чувство, как ловят за хвост ускользающую полевку на осенней даче (Кетро М. Записки у плеча).

К облигаторным свойствам эмоций относят также их «универсальность, пластичность, суммацию и упрочение, пристрастность, удержание в памяти, динамичность, заразительность, адаптивность, перенос на другие объекты, доминантность, иррадиацию, амбивалентность, переключаемость» [Вилюнас 1976; Зинченко 2010; Ильин 2006].

Именно динамические характеристики эмоциональной сферы человека всегда являлись предметом внимания писателей [Варзаева 2013; Жданова 2016] и их художественного описания. Художественное воплощение «диалектики души» как приема изображения эмоционального мира человека в литературе отражает объективные свойства процесса протекания эмоций и их развития:

*Внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни чувства и мысли **развиваются** из других... как чувство, непосредственно **возникающее из данного** положения или впечатления, подчиняясь влиянию воспоминаний и силе сочетаний, представляемых воображением, **переходит в другие** чувства, снова **возвращается** к прежней исходной точке и опять и опять странствует, **изменяясь** по всей цепи воспоминаний...* (Чернышевский В.Г. Современник, 1856, № 12).

Традиции художественной вербализации эмоций, демонстрирующей все более сложные и неоднозначные состояния, проявляются как тенденция в современной литературе:

*Чистую, **беспримесную эмоцию** последний раз видели в романе Тургенева. Ныне – сплошные оттенки и полутона. Смутные ощущения стали нормой, двойственные чувства – единственно возможными* (Мишин М. Смешанные чувства).

Языковая переработка частного эмоционального опыта человека в эмотивное содержание типичных, обобщенных эмоциональных ситуаций определяет эмотивный аспект языка, который фиксирует в картине мира социально и культурно «закрепленное представление о презируемом, порицаемом, унижаемом, уважаемом» [Телия 1991: 60]. В лингвистике выделены особые виды концептов (эмоциональные концепты), ядром которых являются базовые эмоции (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, Дж. Лакофф, Д. Эйтчисон). В исследовательских целях бесконечное множество эмоциональных ситуаций принято сокращать до их «управляемого» числа, выделять типы, группы, семейства, кластеры эмоций тесно связанных, родственных эмоций, учитывать вызывающие эмоции условия [Ортони, Клоур, Коллинз 1995: 331].

Базовые эмоции (количество которых в разных концепциях обычно варьируется от пяти до десяти) задают своеобразные оценочные рамки бесконечных сочетаемостей, порождающих как уже названные эмоциональные переживания, так и те, для которых специальные номинации еще не были выработаны, но которые не походят на известные, упорядоченные и категоризованные элементы аффективной жизни человека. К.Е. Изард предложил выделять в составе базовых эмоций их модальные варианты [Изард 2000: 288, 289]. Однако семантическое пространство языка не покрывает полностью отражаемый мир эмоций, и его эмотивный потенциал исчерпывается, как только объектом вербализации выступают явления, отражающие естественную психодеятельность человека во всей ее сложности, гибкости и разнообразии оттенков. Ученые всегда отдавали себе отчет в принципиальной аппроксиматичности вербальной объективации сферы эмоций: «Чувства наши сложны и неповторимы, а следовательно, передать их другим доподлинно – невозможно» [Балли 2003: 103], именно поэтому в область их категоризации включается не только *номинативный* (лексика эмоций разных частей речи) способ, но и *экспрессивный* (междометия, местоименные слова, эмоциональная лексика, интонационные средства и др.), *дескриптивный* (симптоматические и поведенческие конструкции, выразительно-изобразительные средства) [Шаховский 1987]:

С тех пор господин К. словно лишился души. Он сразу весь отяжелел, будто самые клетки его организма оказались вдруг уплотнены и смяты (Славникова О. Басилевс);

Фу ты, как сердце стучит... Он в темноте нащупал кнопку и позвонил. Затем вынул трубку из зубов и стал ждать, чувствуя, как мучительная улыбка разрывает ему рот (Набоков В. Звонок);

Накануне отъезда Форемана играли, как всегда по вечерам, в карты на веранде;

вдруг Ольга Алексеевна почувствовала невозможное сжатие в горле, – ей удалось все же улыбнуться и без особого сбега уйти (Набоков В. Красавица).

В качестве косвенных способов отражения эмоций ученые предлагают рассматривать многообразные лингвистические способы апелляции к известной ситуации, в которой возникает эмоциональное явление, или сравнение этого эмоционального явления с похожим на него другим явлением, знакомым адресату [Апресян, Апресян 1993: 27].

Признание смешанной области переживаний в качестве естественного и распространенного явления эмоциональной жизни человека определил необходимость выявления прямой корреляции между смешанными эмоциональными ощущениями как объектом вербализации и использованием смешанных способов их передачи. Так, при моделировании в языке эмоциональных концептов, прототипических ситуаций, сценариев эмоций [Апресян 1995, Вежбицкая 1997, Эйтчисон 1995; Dirven 1997] учитываются первопричина эмоции, ее непосредственная причина, собственно эмоция, обусловленное эмоцией действие, внешнее проявление эмоций [Апресян 1995: 368–369]. В коммуникации приемами вербализации сложных эмоциональных явлений выступают комплексы номинативно-дескриптивного, номинативно-экспрессивного, дескриптивно-экспрессивного, номинативно-дескриптивно-экспрессивного способов вербализации эмоций и приема «номинативной подсказки» [Жданова 2016]: *«Хотя бы» – ибо я имею право желать, чтобы ты замерла от ужаса, поняв содеянное (Набоков В. Адмиралтейская игла). Голос его словно ослепил меня, в глазах запестрело, голова закружилась; я вспомнил счастье, глупое, безмерное, невозвратное счастье... (Набоков В. Нежить).* Указанные способы вербализации призваны повысить точность передачи сложных эмоциональных переживаний, зафиксировать их динамику. Однако при этом перед исследователем встает новая задача – определить, является ли выделяемая эмоция действительно самостоятельным видом переживания или же это обозначение одной и той же эмоции, выраженной разными средствами; что в данном случае характеризуется сложностью: эмоциональное явление, ставшее объектом рассмотрения, или усложненное, комплексное словесное воспроизведение внутренних ощущений.

Смешанные эмоции в ряду сложных эмоциональных явлений

По причине отсутствия четкой методологической базы описания и невыработанного метаязыка, а также в связи с многоплановостью и чрезвычайным многообразием смешанные эмоциональные явления в лингвистике не получили до сих пор достаточной определенности в содержательном и терминологическом планах и слабо дифференцируются от иных сложных психических явлений. Само понятие сложности также требует комментария.

Наиболее общее представление о сложности в науке связывается с принципом рациональности и понимается как воплощение сложного содержания в простой форме. В диалектике сложных систем это качество объектов понимается как некая интегральная характеристика целой системы, подсистемы которой взаимообусловлены, связаны, образуют общую композицию [Диалектика 1988: 33; Щирова 2011]. Синтез информации как способ ее переработки связан с усложнением содержания единиц, увеличением информации в единицу времени или на единицу объема. Рациональные подходы к пониманию сложных объектов как формальному соединению их простых форм, а их смешения как деструкции первоначальной формы и содержания, однако, не позволяют достоверно описать свойства эмоциональных явлений, поскольку в этой сфере

сложные объекты рассматриваются в качестве естественного состояния человеческой психики [Зинченко2010].

В наивном представлении усложнение как действие по значению глагола «усложнить» понимается более широко и включает объективные и субъективные характеристики этого процесса: 1) сделать более сложным по строению, форме, характеру составляющих частей; 2) сделать более трудным, требующим больших усилий для осуществления, исполнения, понимания и т.п.; 3) сделать более напряженным, затруднительным [СРЯ 1999: 519]. В речевой практике понимание сложных объектов, создаваемых из числа базовых, простых, нередко сопровождается их субъективной интерпретацией как явлений непонятных, усложненных и недостаточно определенных, обфускационных (от англ. *obfuscate* – делать неочевидным, запутанным, сбивать с толку), «запутывающих» содержание [Дьякова 2016].

Существующие в психологии многочисленные типологии эмоций, как правило, направлены на дифференциацию эмоциональных явлений, построенных по различным рекуррентным основаниям: а) по валентности эмоций или их оценочному знаку выделяют положительные, отрицательные и амбивалентные эмоции; б) по степени осознанности, длительности и интенсивности выделяют: эмоции, чувства, страсти, аффекты; в) по типу эмоций – их различные модальные варианты; г) по принципу первичности – базисные и производные эмоции и т.д. Сегодня лингвистическая и психологическая теории эмоций подошли к осмыслению их интегрированных типов и свойств, востребованных при проведении моделирования естественных эмоциональных процессов. Рассмотрим некоторые понятия, которые используются в лингвистике для их описания.

Производность. Под производными эмоциями вслед за А. Плутчиком в науке понимаются своеобразные эмоциональные формулы (*гордость* состоит из *гнева* и *радости*; *любопытство* из *удивления* и *принятия*; *скромность* из *страха* и *принятия*; *ненависть* из *гнева* и *удивления*; *вина* из *страха* и *радости* или *удовольствия*; *сентиментальность* из *принятия* и *горя*) [Plutchik 2001]. К производным эмоциям относят сложные социальные эмоции (*симпатию*, *чувство вины*, *гордость*, *зависть*, *восхищение* и *негодование*). Деривативные возможности языка эмоций позволяют обозначать эмоциональные переживания и такие состояния, для которых еще не выработано специальных номинаций, но которые существенно отличаются от известных, упорядоченных и категоризованных элементов аффективной жизни человека.

Контаминация понимается как одновременное взаимодействие двух и более эмотивов (в том числе эмотивных ситуаций) с разными оценочными знаками, совмещение значений низкой, нормативной и высокой степени интенсивности той или иной эмоции [Калимуллина 2006: 18]. Такое взаимодействие может сопровождаться сменой одного типа ситуации другой, включением частного переживания в общую эмотивную ситуацию общения. При этом эмотивная контаминация является средством экономии усилий, когда происходит наложение эмоционально-смысловых пластов в семантике одного слова, функционирующего в определенном контексте [Яковлева 2017: 108-109].

Диффузность есть процесс вытеснения и/или замещения в семантике одного слова присущих ему семантических признаков. В отличие от контаминации диффузность предполагает возможность большого числа эмотивов называть диады и триады эмоциональных явлений [Калимуллина 2006: 25]. Считается, что положительные эмоции более диффузны, чем отрицательные, что обуславливает их единообразный,

менее конкретный и отчетливый характер экспликации [Шаховский 1987]. В психологии процессы диффузии рассматриваются как наличие противоречий в развитии индивидуальных, социальных особенностей личности [Ortony, Clore, Collins 1988; Plutchik 2001]. Но, как правило, диффузия предполагает объединение нескольких элементов (социальных или личностных черт, смысловых и эмоциональных компонентов), схожих по семантике, прагматике и оценке.

Синкретизм в качестве терминологического обозначения активно используется в различных областях знания и основан на наличии имманентной многозначности символа, под которой понимается смысловая перспектива, цепочка значений, предполагающая невозможность постижения главного смысла [Шелестюк 1998: 57; Жданова 2016]. К этой идее близка идея внутренне структурированной комплексности, целостности, совокупности: в современном французском языке имеется композит *haimer*, образованный путем сложения невидоизмененной основы глагола любить (*aimer*) и начального непроизносимого звука *h*, который является первой буквой слова *hair* (*ненавидеть*). Новые когнитивные понятия, которые образуются из объединения двух, трех и более элементов, приводят к созданию качественно нового восприятия – нового когнитивного целого [Konurbaev 2017: 387], основанного на единстве глубоко скрытых закономерностей объектов и их сочетаний. Формально выраженное соединение нескольких элементов эмоционального мира, как правило, имеет свои особенности и средства экспликации, которые также часто основаны на привлечении синкретичных способов выражения эмоционального содержания.

Интегративность рассматривается как процесс создания производных эмоций на основе расщепления базисных эмоций и их комбинации. Результатом эмоциональной интеграции становится объединение разнооценочных (в том числе, амбивалентных) эмоций [Карловская 2009]. В отличие от онтогенетического единства синкретичных явлений интеграция эмоций соединяет изначально разрозненные объекты благодаря функциям лимбической системы коры головного мозга, в которой происходят процессы объединения воспринимаемой информации и формирование сложных моно- и полиоценочных эмоциональных переживаний (см. роль круга Пейпеца, по которому проходит нервное возбуждение при протекании эмоций [Голланд URL 2019]).

Стяжение как разновидность интеграции используется в лингвистике при акцентировании внимания на свойствах семантического уплотнения, свёртывания, сжатия. Общим компонентом значения этих понятий является ‘объединение’, ‘слияние’. В применении к эмоциональным объектам этот вид интеграции рассматривается в работе Ю.Н. Маринина, в которой на примере анализа речекомплеса поздравления продемонстрировано, что план эмоционального содержания текста можно выразить путем его стяжения благодаря использованию более компрессированного плана выражения – этикетной формулы и ее прототипического содержания, свернутого до уровня элементарного символического выражения [Маринин 2010]. Примером стяжения как сложного эмоционального явления, представленного в виде коммуникативной единицы в системно организованной последовательности интерактивных проявлений, может служить эмотивный дискурс малых форм (междометных и других свернутых эмоциональных реакций) [Носкова 2006: 5].

В лингвистике существуют иные терминопонятия, которые используются учеными для характеристики сложных семантических отношений, свойственных описываемым эмоциональным явлениям, и которые основываются на учете таких свойств эмоций, как их оценочное содержание и модальность.

Энантioseмия характеризует сложные эмоциональные объекты с амбивалентной семантикой. Эмотивная энантioseмия возникает как семантический синкретизм единиц с противоположно заряженной оценочной семантикой. В диссертационном исследовании И.В. Борисовой показано, что микрополя *Liebe* и *Hass* имеют зону пересечения в немецком языке, что приводит к созданию и языковой кодификации контаминированного поля *Hassliebe*, образует оксюморон *Leidenschaft* (*страсть*) [Борисова 2003]. Образование энантioseмичных эмоциональных явлений стимулируется коммуникативной практикой, где постоянно вырабатываются новые обозначения сложных состояний (*приятная ревность, агрессивная нежность, радость со слезами на глазах*), образуются слова-композицы для их однословного обозначения (*злобро*).

Комплементарность в широком смысле слова рассматривается как реакция саморазвивающейся системы на неравновесное состояние. В применении к сфере эмоций это явление выражается в действии принципа Поллианны, согласно которому негативность в языке приводится в равновесие тенденцией к более частотному употреблению слов с положительной оценкой [Jing-Schmidt 2007]. Комплементарность применительно к понятию эмотивности предполагает суммативность эмоционально-смыслового содержания, поскольку в отличие от симметричных эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций комплементарный эмотив-стимул вызывает не аналогичную, а производную эмотив-реакцию, относящуюся к той же предметной области (ср.: комплементарные прагматические клише *извинение* и *принятие извинения*, выражение *благодарности* и минимизация повода [Ратмайр 1997: 18; Dirven 1997]).

Можно констатировать, что смешанные эмоции в своей основе комплементарны, если под данным термином понимать «взаимодополняемость (взаимное соответствие) взаимодействующих объектов, приводящая к образованию вторичных связей между ними» [БЭС 1986: 215]. Как нами было показано ранее, лексические средства выражения сложных эмоций, основанных на принципе комплементарности, образуют сочиненные члены, которые располагаются контактно и не разделяются другими словами. Однако в естественных языках сочинительная связь приобретает факультативные смыслы: не просто объединение двух элементов, но еще и последовательность, противительность, указание на то, что вторая часть выступает следствием первой [Санников 2008: 45-46]. В связи с этим комплементарные отношения отождествляются с другими видами сложных образований (производностью, интегративностью, контаминацией).

Полифоничность как образное выражение идеи многоголосия используется в науке для обозначения широкого спектра самостоятельных, но взаимосвязанных явлений, проявляющихся одновременно. В применении к эмоциональному содержанию данное обозначение чаще всего относят к сфере модальности эмотивных единиц и их использования в речи. Модальность – «качественная характеристика эмоций, которая рассматривается как составное единство, определяющееся соотношением трех его компонентов: удовольствия – неудовольствия, возбуждения – успокоения, напряжения – разрешения» [Вундт 1984: 49-50]. Известно, что большая часть эмоциональных переживаний функционально не является автономной, а существует в потоке других переживаний, во взаимодействии с ними. Таким образом, внутри групп базисных эмоций и между элементами этих групп возникают модальные комплексы психических переживаний, которые определяют новое качество сложного эмоционального явления. При этом типичные социальные комплексы эмоционального поведения, основанные на привычном соотношении категориальных эмоциональных ситуаций и реакций на

них (*горе – сочувствие, расставание – грусть, встреча – радость* и др.) в реальном пространстве эмоций включает личностные, нетипичные или амбивалентные проявления, усложняющие эмоциональные состояния:

«Каково, умер; а я вот нет», – подумал или почувствовал каждый. Близкие же знакомые, так называемые друзья Ивана Ильича, при этом подумали невольно и о том, что теперь им надобно исполнить очень скучные обязанности приличия и поехать на панихиду и к вдове с визитом соболезнования (Толстой Л. Смерть Ивана Ильича).

Как показывает беглый анализ понятий, используемых для характеристики сложных эмоциональных объектов, толкование их содержания не лишено противоречивости, в ряде случаев они указывают на аналогичные явления, используются для номинации объектов, близких по своим качествам и природе. В то же время эти обозначения явственно представляют два различающихся типа явлений: комплексы эмоциональных состояний и комплексные эмоциональные состояния.

Типы эмоциональных явлений

Комплексы эмоциональных состояний – наиболее распространенный тип описываемых сложных эмоциональных объектов. Они основаны на структурном наполнении и расширении сценария эмоционального состояния. Например:

Все читали на моём лице признаки дурных чувств, которых не было; но их предполагали – и они родились. Я был скромен – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен (М. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени).

Составляющие комплекса эмоций характеризуются разнообразными отношениями: одновременностью и синхронностью переживания или последовательностью, поступательностью, непосредственностью протекания или отсроченностью во времени. Такие объекты вербализуются путем «нанизывания» информации о новых эмоциональных объектах, развертывания высказываний на основе сочинительной связи и примыкания, оформления их в виде «независимых эмотивных реплик» [Штеба 2017]. В качестве обозначения этого вида эмоциональных объектов предлагается использовать определение «составной» – имеющий усложненный состав. Исчисление, анализ и упорядочение эмоциональных элементов внутри комплексов является средством упрощения сложной организации материала и облегчения интерпретации описываемого эмоционального содержания.

Комплексные эмоциональные состояния – тип сложных эмоциональных состояний как результат их слияния и сверхсуммативности, в результате которых образуется качественно новый объект, не сводимый к эмоциональным свойствам соединяемых элементов. Новый эмоциональный объект предстает в виде «сложного эмотивного концепта» [Филимонова, 2007], синтезированной формы, объединяющей однородные или разнородные эмоциональные компоненты, образованные в результате действия механизма концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner: 308]. Данный тип эмоциональных явлений с очевидностью предполагает противопоставленность комплексности чему-то разрозненному, неполному, неоднородному, одностороннему, простому [Михайлова, Михайлов 2014].

Разделение и анализ компонентов эмоционального комплекса ведет к разрушению эмоциональной семантики исследуемой единицы, в то время как синкретизм содержания при суммативности формы эмоциональных составляющих комплексных

объектов создает достоверное и полное представление о характере описываемой эмоции: *Степан, бледнея, рвал с груди пиявок, давил их ногою. Последнюю раздавил, застегнул воротник рубахи и, словно испугавшись чего-то, снова расстегнул... Белые губы не находили покоя: подрагивая, расплзались в нелепую улыбку, ежились, собираясь в синеватый комок... Томилину казалось, что Степан жует что-то твердое, неподатливое на зубы. Постепенно к лицу вернулась краска, прихваченные изнутри зубами, окаменели в неподвижности губы. Степан снял фуражку, рукавом размазал по белому чехлу пятно колесной мази, сказал звонко: – Спасибо за вести. – Хотел предупредить... Ты извиняй... Так, мол, и так дома... (Шолохов М.А. Тихий Дон).*

Описание эмоционального состояния героя в приведенном фрагменте не лишено динамики (*беспокойство, испуг, ужас, неопределенность, решимость, эмоциональное сдерживание, показное спокойствие, ирония*), реализуется целым комплексом вербальных средств (*описанием невербального поведения, симптоматики, мимики, введения образа, косвенного речевого акта*). Но при этом оно должно восприниматься как целостность – сложное эмоциональное переживание, образуемое смешением эмоций разного качества.

Именно комплексные эмоциональные объекты, по нашему мнению, являются представителями группы так называемых смешанных эмоций в строгом смысле слова, что не противоречит, однако, наличию внутри этого вида сложных эмоциональных явлений разновидностей, выделяемых по разным основаниям.

Лингвистическая категоризация смешанных эмоций

Принципы категоризации сложных эмоциональных явлений требуют дополнительных знаний об их свойствах и способах их вербализации. Так, традиционный прием номинации эмоциональных переживаний при исследовании смешанных эмоций может принимать функции дескрипции, а исчисление семантических признаков эмоций в данном случае может быть невозможным [Штеба 2014; Жданова 2016]:

Со смешанным чувством иронии и любопытства мы согласились на предложение Бобби поехать из Аризоны в Нью-Йорк на машине (М. Канингем. Дом на краю света).

Сейчас я испытываю калейдоскоп эмоций. Боль и ярость, грусть и сожаление смешались и накрыли меня. И в этот момент я ощутил надежду (Дж. Эшер. 13 причин почему).

Полная мешанина в голове. Мои мозги перемешали большой ложкой. Или маленькой. ...В грудь влетела шаровая молния и все там пережгла (Токарева В. Звезда в тумане).

Значимым для понимания природы смешанных эмоций является то, что зона пересечения двух номинаций эмоционального мира становится возможной, благодаря наличию в семантике обоих слов ингерентных сем ‘эмоция’ и ‘оценка’, в результате образуется сверхсуммативное целое, которое больше суммы его частей.

Для словесного обозначения эмоциональных объектов, полученных в результате смешения эмоциональных состояний, ученые предлагают использование таких понятий, как эмоциональный композит: *love-hate, pain-pleasure, grief-joy* [Филимонова 2007]; эмоциональный бленд [Коробкина 2009: 57], креатема [Шаховский 2016]. Поскольку смешанные эмоции в своей основе комплементарны, совмещение разрозненных образов исходных понятий идет по пути согласования («примирения») их семантики в целях получения однородного целого. Этот механизм основан на элиминации

имплицитных связей и отношений между понятиями, заполнению смыслового «расстояния» между смешиваемыми в едином ментальном пространстве фрагментами [Коробкина 2009: 57].

Данная особенность характерна в том числе для таких случаев, когда в состав смешанной эмоции входят амбивалентные по семантике эмотивные элементы, в результате чего адресату становятся вполне доступны восприятие и понимание таких состояний, как *светлая печаль, приятная грусть, радость-печаль, любовь-ненависть*, оценок эмоционально значимых ситуаций: *жизнеспособный возраст, победа-поражение*, терминологических обозначений сложных психологических состояний: *дисфория, катарсис, протрация* и др.

Для обоснования достоверности / недостоверности подобного тезиса, имеющего новизну по отношению исследованию простых эмоций, нами был организован и проведен онлайн-опрос пользователей социальной сети Интернет (более 300 анкет) с включением вопроса о том, каково, по мнению русскоязычных респондентов, обобщенное эмоциональное содержание такого состояния, которое испытывают люди перед прыжком с высоты (у французом для его обозначения есть выражение «L'AppelduVide» (*зов бездны*), у англичан – «Highplacephenomenon» (*феномен высокого места*), в русском языке общепринятое обозначение для данной ситуации отсутствует).

В результате обработки экспериментального материала было установлено, что эмоциональное наполнение этого состояния в анкетах было представлено достаточно ограниченным набором лексем, который почти полностью повторяется в 72 % анкет: *волнение, напряжение, страх, сомнение, радость, восторг*. Помимо них в ряде анкет воспроизводились лексемы *отчаяние, любопытство*. По мнению большинства респондентов, описать указанное состояние одним словом не представляется возможным, в то время как попытки его вербального обозначения иным способом породили оценочные выражения (*гордость за себя; покорить или покориться*), а также образы (*на крыльях свободы / удачи / судьбы / смерти; вырастут крылья*). В анкетах респондентов видно, что участники опроса практически безошибочно воспроизвели семантические свойства смешанной эмоции (см. используемые ими слова: *одновременно, вместе, неразрывно, смесь*) и подтвердили вывод о том, что для речевой практики является естественным построение эмоциональных комплексов с включением неоднородных и семантически противоречивых единиц, отражающих амбивалентные эмоции.

В то же время было выявлено, что при конкретизации и детализации описываемого эмоционального состояния семантический контур эмоционального объекта нередко размывается, происходит генерализация семантики описываемой единицы, ее частичный (замена наименований конкретных эмоций именами базовых эмоций: *волнение, подавленность, грустно*) или полный (использование гиперонимов: *чувство, чувствовать, ощущать*) переход в разряд общего значения:

*Я попросил его сказать мне, которая щека у меня левая, ибо я до того был **подавлен** его речью (Горький М. Как меня отбрили);*

*Все действительно думали, что Пухов корявый человек и вареную колбасу на гробе резал. Так оно и было, но Пухов делал это все не из похабства, а от голода. Зато потом **чувствительность** начала мучить его... (Платонов А. Сокровенный человек).*

Подобные способы вербализации смешанных явлений отражают тенденцию к обобщению эмоционального содержания изображаемого объекта при его синтезе и повышают степень его семантической неопределенности [Ионова 2010, 2014, Дьякова 2016].

Другой разновидностью воспроизведения смешанной эмоции можно считать многообразные поливалентные варианты ее семантики, представленные в том числе в расширенном списке признаков обобщенного явления. Подобные многокомпонентные эмоциональные комплексы чаще всего основываются на использовании эмоциональных явлений различной модальности, но могут быть представленными разными формами выражения однотипной информации:

*Плоско-смешное и тошно-трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Жизни и смерти равно недостойно,
Рабское, хамское...все кругом (Гиппиус З.).*

Характеристики, приводимые автором для выражения субъективного отношения к окружающей действительности, при всей их конкретности, полимодальности, способности построить обобщенный эмоциональный образ, предоставляют небольшой диапазон семантических признаков, который имеет предельно обобщенное значение – ‘все вокруг крайне негативное’.

Смешение эмоций может осуществляться также на внутригрупповом уровне представления эмоций, т.е. в составе группы одной базовой эмоции путем изменения модальности выражаемых эмоциональных элементов или степени интенсивности выражаемого эмоционального признака:

Я хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими, я не виноват, что хочу этого, что для одного этого я живу. Я никогда никому не скажу этого, но боже мой! Что же мне делать, ежели я ничего не люблю, как только славу, любовь людскую (Толстой Л. Война и мир);

Лужин сказал: «Ого!» – и заерзал в кресле. Потом он бегал по кабинету, потирая руки. Щелкал зубами, бормотал: «Чудовищная удача!» – и опять бегал по кабинету, испытывая удивление, радость, восторг, т.е. чувства, которые мог бы испытать рыбак, закинувший удочку на пескаря, а поймавший щуку (Войнович В. Жизнь и необычайные приключения...).

Многообразие вариантов репрезентации смешанных эмоциональных явлений в речи и тексте основывается на взаимопересечении всех основных свойств эмоций: знака оценки; модальности конкретных эмоций; групп базовых эмоций; степени интенсивности проявления признаков; степени генерализации признаков.

Таблица № 1.

Смешанные эмоциональные явления: взаимопересечение признаков

Элемент 1	Оценочная семантика	Варианты модальности	Варианты группы базовых эмоций	Интенсивность	Гипероним
Элемент n					
Оценочная семантика	+ / -	+ / -	+ / -	+ / -	+ / -
Варианты модальности	+ / -	+ / -	+ / -	+ / -	+ / -
Варианты группы базовых эмоций	+ / -	+ / -	+ / -	+ / -	+ / -

Интенсивность	+ / -	+ / -	+ / -	+ / -	+ / -
Гипероним	+ / -	+ / -	+ / -	+ / -	+ / -

Знак +/- в таблице означает наличие или отсутствие указанных признаков для каждого из элементов смешанного эмоционального явления. Как нами отмечалось ранее [Штеба 2014; Ионова, Шаховский 2012], в смешанных эмоциональных комплексах могут соединяться в единое целое однооценочные или разнооценочные понятия, контрарные (*любовь и ненависть, радость и печаль* и под.) или не контрарные (*любовь и грусть*) по отношению друг к другу. Это может быть объединение эмоциональных объектов, отличающихся степенью интенсивности, семантической активностью / пассивностью эмоций (*горе – ярость; радость – восторг*) и т.д. Указанные в таблице признаки в их бесконечных сочетаниях и взаимовлиянии способны образовывать уникальные эмоциональные комплексы смешанных эмоций.

Выводы

В эпоху цифровых технологий изучение сложных и комплексных явлений сферы эмоций, составляющих ядро все усложняющегося сознания личности, призвано способствовать познанию когнитивного и коммуникативного потенциала мультитипа как нового типа личности, которому свойственно многоголосие внутреннего мира [Эпштейн 2015].

Безусловно, вопрос о смешанных эмоциях не может считаться логически полным без обращения к сфере эмоциональной коммуникации и речевого поведения человека. Данные аспекты рассматриваемой проблемы неизбежно актуализируют не затронутые в данной статье вопросы, являющиеся, тем не менее, гносеологически важными: о соотношении смешанных эмоциональных комплексов и рациональных элементов коммуникации, стимулов и реакций разных типов [Ионова, Шаховский 2012], которые можно рассматривать в составе комплексов смешанных эмоций; о разграничении смешанных эмоций и поливалентной эмотивной тональности коммуникативной ситуации.

Необходимо найти соотношение между синкретизмом содержания эмоциональных комплексов и формой их репрезентации; установить инвентарь устойчивых языковых и речевых форм для их обозначения в разных областях знания.

Не менее важным является изучение комплекса коммуникативных функций смешанных эмоций, особенностей их использования в различных тактиках речи для достижения явных и скрытых, единичных и множественных целей. Актуальным является изучение специфики семантически определенных и неопределенных эмоциональных комплексов и их роли в коммуникативных ситуациях разных типов, в том числе связанных с манипуляцией сознанием адресатов, сокрытием и преобразованием эмоциональной доминанты передаваемой информации.

Уровень разработок в лингвистике эмоций и смежных областях знания сегодня позволяет ставить и решать указанные задачи.

Литература

- Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания, 1993. № 3. С. 27-35.
- Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды. Том II. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767с.
- Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. литер, 1961. 394 с.
- Борисова И.В.* Семантика эгоцентрических категорий: *liebe, hass* и их актуализация в немецком языковом сознании. Автореф. ... канд. филол. н., Абакан, 2003. 24 с.
- (БЭС) Биологический энциклопедический словарь / М.С. Гиляров. 2-е изд., испр. М.: Сов. энциклопедия, 1986.
- Варзаева М.А.* Способы образования «смешанных эмоций» в элегиях В.А. Жуковского, объединенных мотивами разочарования и мимолетности юности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 1 (19). С. 39-42.
- Вежибицкая А.* Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999. С. 112-132.
- Виллюнас В.К.* Психология эмоциональных состояний. М.: Изд-во МГУ, 1976. 142 с.
- Вундт В.* Психология душевных волнений // Психология эмоций: Тексты. М., 1984. С. 49-50.
- Голланд Э.* Расщепление, интеграция и амбивалентность. [Электронный ресурс] URL: <https://psychologytoday.ru/public/rasshcheplenie-integratsiya-i-ambivalentnost> (дата обращения: 18.03.2019).
- Диалектика познания сложных систем / Под ред. В.С. Тюхтина. М.: Мысль, 1988. 316 с.
- Дьякова А.А.* Объективная и субъективная сложность документных текстов // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание, 2016, № 1 (30). С. 62-69.
- Жданова Ю.П.* Язык Владимира Набокова в эмоциональном аспекте // Материалы Научной сессии. Ч.3. Филология и журналистика. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. С. 13-16.
- Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
- Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Издательство «Питер», 1999. 464 с.
- Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2006. 528 с.
- Ионова С.В.* Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Волгоград: ЦРП «Центр», 2003. С. 6-19.
- Ионова С.В.* Эмоции в новой коммуникативной реальности // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: коллективная монография. Волгоград: Перемена, 2010. С. 7-2.
- Ионова С.В.* Усложненные образы мира в языке современной русской литературы // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы II Международной научно-практической конференции. Уфа: Изд-во Башкирского государственного университета, 2014. С. 44-53.
- Ионова С.В., Шаховский В.И.* Человек и его языковая среда: эколингвистический аспект / С.В. Ионова, В.И. Шаховский // Антропология языка. Вып. 2. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 137-149.

Калимуллина (Киселева) Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты (с привлечением материала славянских языков). Автореф. ... докт. филол. н., Уфа, 2006. 43 с.

Карловская В.Н. Репрезентация полярных эмоций в художественном тексте (на материале современной англоязычной прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 21 с.

Коробкина Н.И. Концептуальная интеграция как способ языковой экономии. Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 226 с.

Котов А.А. Паттерны эмоциональных коммуникативных реакций: проблемы создания корпуса и перенос на компьютерных агентов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2009. С. 211-218.

Маринин Ю.Н. Эмотивность как признак речекомплекса «поздравление» // Грани познания. 2010. №1(6). [Электронный ресурс] URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/144_st.pdf (дата обращения: 14.02.2019).

Михайлова О.А. Словарь синонимов. Словарь антонимов. Алабугина Ю.В. Толковый словарь. Этимологический словарь / О.А. Михайлова, Ю.В. Алабугина. М.: АСТ, 2014. 512 с.

Носкова С.Э. Эмоциональный дискурс малых форм: семантический и прагматический аспекты: Дисс. докт. филол. наук, 10.02.19. Тверь, 2006. 326 с.

Ратмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкознания. 1997, № 1. С. 15-22.

Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Изд-во МГУ, 1998. 582 с.

(СРЯ) Словарь русского языка. В 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Том IV. М.: Русский язык, 1999. 800 с.

Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 3-67.

Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 448 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 190 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шаховский В.И. Креатемы в модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики, 2016, № 2 (28). С. 324-333.

Шелестюк Е.В. Семантика художественного образа и символа (на материале англоязычной поэзии XX века). Дис. ... канд. филол. н., Москва, 1998. 207 с.

Штеба А.А. Лингвоэкологический абсолют смешанных эмоций // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. Вып. № 2. С. 172-178.

Штеба А.А. Смешанные эмоции как нечеткое множество // Языковое бытие человека и этноса. Материалы XIII Березинских чтений / Под редакцией В.А. Пищальниковой. М., 2017. С. 65-68.

Щирова И.А. О сложности мира, текста и познания: методологический аспект. М.: Стиль, 2011. С. 91-104.

Эйтчисон Дж. Лингвистическое отражение любви, гнева, и страха: цепи, сети или контейнеры? // Язык и эмоции / Дж. Эйтчисон. Волгоград, 1995. С. 76-89.

Эпштейн М.Н. Сверхпоэзия и сверхчеловек // Знамя. 2015. № 1. С. 16-24.

Яковлева Е.В. Функциональная специфика междометий и релятивных конструкций как элементов эмотивного смысла в текстах психологической прозы. Дисс. ... канд. филол. н. Ставрополь, 2017. 203 с.

Bamberg, M. (1997). Emotional talk(s): the role of perspective in the construction of emotions. *The Language of Emotions*. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing House P. 209-226.

Fauconnier, G., Turner M. (2006). Mental spaces: conceptual integration networks. *Cognitive linguistics: basic readings*. Ed. by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. P. 303-371.

Dirven, R. (1997). Emotions as cause and the cause of emotions. *The Language of Emotions*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. P. 55-86.

Drescher, M. (1997). French interjections and their use in discourse // *The Language of Emotions*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. P. 233-246.

Goleman, D. (1997). *Emotional Intelligence. Why it can matter more than IQ*. N.Y.; London: Bantam Books.

Jing-Schmidt, Zh. (2007). Negativity bias in language: A cognitive-affective model of emotive intensifiers. *Cognitive Linguistics*, Volume 18, Issue 3, P. 417-443.

Konurbaev, M.E. (2017). Redefining Neutrality in Language and Speech. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21. № 2. С. 379-389.

McGlone, F., Wessberg, J., Olausson, H. (2014). Discriminative and Affective Touch: Sensing and Feeling. *Neuron*. 82(4). P.737-755.

Ortony, A., Clore, G., Collins, A. (1988). *The Cognitive Structure of Emotions*, Cambridge.

Plutchik, R. (2001). The Nature of Emotions. *American Scientist*, Vol. 89. P. 344-350.

Wierzbicka, A. (1992). Defining Emotion Concepts. *Cognitive Science*, 16 (4). P. 539-581.

Wierzbicka, A. (2008). A conceptual basis for research into emotions and bilingualism. *Bilingualism. A conceptual basis for research into emotions and bilingualism*, Bilingualism: Language and Cognition, vol.11, no. 2, pp. 193-195.

**CONTRADICTIONARY EMOTIONS:
THE QUESTION OF THE LINGUISTIC REPRESENTATION
AND THE METALANGUAGE DESCRIPTION**

Svetlana V.I onova

professor of the Department of General and Russian linguistics
Pushkin State Russian Language Institute
6, Akademika Volgina str., Moscow, 117485, Russia
sionova@mail.ru

Alexey A. Shtebea

associate Professor of the Department of Roman philology
Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenina prospect, Volgograd 400066 Russia
alexchteba@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of contradictory emotions as a special type of emotional phenomena that receive categorization in language and develop ideas about traditional objects of emotion linguistics. This object is considered in the context of the achievements of emotiology, developed by the scientific school of V. I. Shakhovsky. The questions of verbalization of mixed emotions are raised, the existing terminological designations used in linguistics to describe complex emotional phenomena are considered. There are two types of complex emotional phenomena that receive a linguistic description: a complex emotional object and a complex of emotional objects. Linguistic features are distinguished, on the basis of which it is possible to identify various options for the implementation of mixed emotions.

Keywords: emotion, complex emotion, contradictory emotions, mixed emotion, ways of verbalization of emotions, uncertain emotion

References

Apresyan V.YU., Apresyan YU.D. Metafora v semanticheskom predstavlenii emocij [Metaphor in the semantic representation of emotions]. Voprosy yazykoznaniya, 1993. № 3. S. 27-35. (In Russian).

Apresyan YU.D. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [The integrated description of language and systemic lexicography]. Izbr.trudy. Tom II. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1995. 767 s. (In Russian).

Balli SH. Francuzskaya stilistika [French style]. M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1961. 394 s. (In Russian).

Borisova I.V. Semantika egocentricheskikh kategorij: liebe, hass i ih aktualizatsiya v nemetckom yazykovom soznanii [Semantics of egocentric categories: liebe, hass and their actualization in the German language consciousness]. Avtoref. ... kand. filol. n., Abakan, 2003. 24 s. (In Russian).

(BES) Biologicheskij enciklopedicheskij slovar' [Biological encyclopedic dictionary]. Ed. M.S. Gilyarov. 2-e izd., ispr. M.: Sov. Enciklopediya, 1986. (In Russian).

Varzaeva M.A. Spособy obrazovaniya «smeshannyh emocij» v elegiyah V.A. Zhukovskogo, ob»edinennyh motivami razocharovaniya i mimoletnosti yunosti [Methods of formation of «mixed emotions» in elegies V.A. Zhukovsky, United by the motives of

disappointment and fleeting youth]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, 2013. № 1 (19). S. 39-42. (In Russian).

Vezhbickaya A. Kul'turno-obuslovlennyye scenariy: novyy podhod k izucheniyu mezhkul'turnoj kommunikacii [Cultural-conditioned scenarios: a new approach to the study of intercultural communication]. *Zhany rechy*. Vyp. 2. Saratov, 1999. S. 112-132. (In Russian).

Vilyunas V.K. Psihologiya emocional'nyh sostoyanij [Psychology of emotional States]. M.: Izd-vo MGU, 1976. 142 s. (In Russian).

Vundt V. Psihologiya dushevnyh volnenij [Psychology of emotional unrest]. *Psihologiya emocij: Teksty*. M., 1984, S. 49-50. (In Russian).

Golland E. Rasshcheplenie, integratsiya i ambivalentnost' [Splitting, integration and ambivalence]. [Electronic resource]. URL: <https://psychologytoday.ru/public/rasshcheplenie-integratsiya-i-ambivalentnost>. (retrieval date 18.03.2019). (In Russian).

Dialektika poznaniya slozhnyh system [Dialectics of knowledge of complex systems. Red. V.S. Tyutina. M.: Mysl', 1988. 316 s. (In Russian).

D'yakova A.A. Ob»ektivnaya i sub»ektivnaya slozhnost' dokumentnyh tekстов [Objective and subjective complexity of document texts]. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2016, № 1 (30). S. 62-69. (In Russian).

Zhdanova YU.P. Yazyk Vladimira Nabokova v emocional'nom aspekte [The language of Vladimir Nabokov to the emotional aspect of]. *Materialy Nauchnoj sessii, Filologiya i zhurnalistika. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Volgograd :VolGU, 2016. S. 13-16. (In Russian).

Zinchenko V.P. Soznanie i tvorcheskij akt [Consciousness and the creative act]. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2010. 592 s. (In Russian).

Izard K.E. Psihologiya emocij [Psychology of emotions]. SPb.: Izdatel'stvo «Piter», 1999. 464 s. (In Russian).

Il'in E.P. Emocii i chuvstva [Emotions and feelings]. SPb.:Piter, 2006. 528 s. (In Russian).

Ionova S.V. Emotcii v novej kommunikativnoj real'nosti [Emotions in a new communicative reality]. *Chelovek v kommunikacii: motivy, strategii i taktiki: kollektivnaya monografiya*. Volgograd: Peremena, 2010. S.7-20. (In Russian).

Ionova S.V. Lingvistika emocij: osnovnye problemy, rezul'taty i perspektivy [Linguistics of emotions: main problems, results and prospects]. *Yazyk i emocii: lichnostnye smysly i dominanty v rechevoj deyatel'nosti*. Volgograd: CRP «Centr», 2003. S. 6-19. (In Russian).

Ionova S.V. Uslozhnennyye obrazy mira v yazyke sovremennoj russkoj literatury [Complicated images of the world in the language of modern Russian literature]. *Slavyanskie etnosy, yazyki i kul'tury v sovremennom mire: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Ufa: Izd-vo Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. S. 44-53. (In Russian).

Ionova S.V., Shahovskij V.I. Chelovek i ego yazykovaya sreda: ekolingvisticheskij aspekt [Man and his language environment: ecolinguistic aspect]. *Antropologiya yazyka: sb. statej*. Vyp. 2. M.: Flinta: Nauka, 2012. S. 137-149. (In Russian).

Kalimullina (Kiseleva) L.A. Semanticheskoe pole emotivnosti v russkom yazyke: sinhronnyj i diahronicheskij aspekty (s privlecheniem materiala slavyanskih yazykov) [The semantic field of emotive in the Russian language: a synchronic and diachronic aspects]. *Avtoref. ... dokt. filol. n., Ufa, 2006. 43 s. (In Russian).*

Karlovskaya V.N. Reprezentatsiya polyarnykh emocij v hudozhestvennom tekste (na materiale sovremennoj angloyazychnoj prozy) [Representation of polar emotions in a literary text (by the material of modern English prose)]: avtoref. dis. ... kand.filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2009. 21 s. (In Russian).

Korobkina N.I. Konceptual'naya integratsiya kak sposob yazykovoj ekonomii [Conceptual integration as a way of language economy]. Diss...kand.filol. nauk. Volgograd, 2009. 226 s. (In Russian).

Kotov A.A. Patterny emocional'nykh kommunikativnykh reakcij: problem sozdaniya korpusa i perenos na komp'yuternykh agentov [Communicative patterns of emotional reactions: problems of creation of the housing and rolls on the computer agents]. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Vyp.8 (15). M.: RGGU, 2009. S. 211-218. (In Russian).

Marinin YU.N. Emotivnost' kak priznak rechekompleksa «pozdravlenie» [Emotively as an indication of reconnect "congratulations"]. Granipoznaniya. №1(6). 2010 [Elektronnyj resurs] URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/144_st.pdf (retrieval date 14.02.2019). (In Russian).

Mihajlova O.A. Slovar' sinonimov. Slovar' antonimov [Dictionary of synonyms. Dictionary of antonyms.]. Alabugina YU. V. Tolkovyj slovar'. Etimologicheskij slovar' [Explanatory dictionary]. Red. O.A. Mihajlova, YU.V. Alabugina. M.: AST, 2014. 512 s. (In Russian). retrieval

Noskova S.E. Emocional'nyj diskurs malyx form: semanticheskij i pragmaticheskij aspekty [Emotional discourse of small forms: semantic and pragmatic aspects]. Diss... dokt. filol. nauk. Tver', 2006. 326 s. (In Russian).

Ratmajr R. Funkcional'nye i kul'turno-sopostavitel'nye aspekty pragmaticheskikh klishe [Functional, cultural and comparative aspects of pragmatic clichés]. Voprosy yazykoznaniya. № 1. 1997. S.15-22. (In Russian).

Sannikov V.Z. Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve [Russian syntax in semantic and pragmatic space]. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008. 624 s. (In Russian).

Rubinshtejn S.L. Osnovy obshchej psihologii [Fundamentals of General psychology]. M.: Izd-vo MGU, 1998. 582 s. (In Russian).

(SRYA) Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Pod red. A.P. Evgen'evoj. Tom IV. M.: Russkij yazyk, 1999. 800 s. (In Russian).

Teliya V.N. Mekhanizmy ekspressivnoj okraski yazykovykh edinic [Mechanisms of expressive coloring of language units]. Chelovecheskij faktor v yazyke: yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti. M.: Nauka, 1991. S. 36-67. (In Russian).

Filimonova O.E. Emociologiya teksta. Analiz reprezentatsii emocij v anglijskom tekste [Emiology text. Analysis of the representation of emotions in the English text] SPb.: OOO «Knizhnyj Dom», 2007. 448 s. (In Russian).

Shahovskij V.I. Kategorizatsiya emocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1987. 190 s. (In Russian).

Shahovskij V.I. Lingvisticheskaya teoriya emocij: Monografiya [Linguistic theory of emotions]. M.: Gnozis, 2008. 416 s. (In Russian).

Shahovskij V.I. Kreatemy v modeli yazykovogo soznaniya russkikh [Createmy in a model of language consciousness of Russian]. Voprosy psiholingvistiki, 2016, № 2 (28). S. 324-333. (In Russian).

Shelestyuk E.V. Semantika hudozhestvennogo obraza i simvola (na material angloyazychnoj poezii XX veka) [Semantics of artistic image and symbol (by the material of English poetry of the XX century)]. Diss. ... kand. filol. n., M., 1998. 207 s. (In Russian).

Shteba A.A. Lingvoekologicheskij absolyut smeshannyh emocij [Linguoecology absolute mixed emotions]. *Ekologiyay azyka i kommunikativnaya praktika*. № 2. 2014. S. 172-178. (In Russian).

Shteba A.A. Smeshannye emocii kak nechetkoje mnozhestvo [Mixed emotions as a fuzzy set]. *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa. Materialy XIII Berezinskih chtenij*. Red. V.A. Pishchal'nikovoj. M., 2017. S. 65-68. (In Russian).

Shchirova I.A. O slozhnosti mira, teksta i poznaniya: metodologicheskij aspect [On the complexity of the world, text and knowledge: methodological aspect]. M.: Stil', 2011, s. 91-104. (In Russian).

Ejtchison Dzh. Lingvisticheskoe otrazhenie lyubvi, gneva i straha: cepi, seti ili kontejnery? [A linguistic reflection of love, anger, and fear: chains, nets or containers?]. *Yazyk i emotcii / Dzh. Ejtchison*. Volgograd, 1995. S. 76-89. (In Russian).

Epshtejn M.N. Sverhpoeziya i sverhchelovek [Corpoate and Superman]. *Znamya*. 2015. № 1. S. 16-24. (In Russian).

Yakovleva E.V. Funkcional'naya spetsifika mezhdometij i relyativnyh konstrukcij kak elementov emotivnogo smysla v tekstah psihologicheskoy prozy [Functional specificity of interjections and relational constructions as elements of emotional meaning in texts of psychological prose]. Dis. ... kand.filol. n., Stavropol', 2017. 203 s. (In Russian).

Bamberg, M. (1997) Emotional talk(s): the role of perspective in the construction of emotions. *The Language of Emotions*. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing House P. 209-226.

Fauconnier, G., Turner, M. (2006) Mental spaces: conceptual integration networks. *Cognitive linguistics: basic readings*. Ed. by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. P. 303-371.

Dirven, R. (1997) Emotions as cause and the cause of emotions. *The Language of Emotions*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. P. 55-86.

Drescher, M. (1997) French interjections and their use in discourse // *The Language of Emotions*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. P. 233-246.

Goleman, D. (1997) Emotional Intelligence. Why it can matter more than IQ. N.Y.; London: Bantam Books.

Jing-Schmidt, Zh. (2007) Negativity bias in language: A cognitive-affective model of emotive intensifiers. *Cognitive Linguistics*, Volume 18, Issue 3, Pages, 417-443.

Konurbaev, M.E. (2017). Redefining Neutrality in Language and Speech. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*. T. 21. № 2. P. 379-389.

McGlone, F., Wessberg, J., Olausson, H. (2014) Discriminative and Affective Touch: Sensing and Feeling. *Neuron*. 82 (4). P.737-755.

Ortony, A., Clore, G., Collins, A. (1988) *The Cognitive Structure of Emotions*, Cambridge.

Plutchik, R. (2001) The Nature of Emotions. *American Scientist*, Vol. 89. P. 344-350.

Wierzbicka, A. (1992) Defining Emotion Concepts. *Cognitive Science*, 16 (4). P. 539-581.

Wierzbicka, A. (2008) A conceptual basis for research into emotions and bilingualism. *Bilingualism. A conceptual basis for research into emotions and bilingualism, Bilingualism: Language and Cognition*, vol.11, no. 2, pp. 193-195.